

НИКИТА ГИЛЯРОВ-
ПЛАТОНОВ

О СУДЬБЕ
УБЕЖДЕНИЙ. ПО
ПОВОДУ СМЕРТИ А.
С.ХОМЯКОВА

Никита Гиляров-Платонов

**О судьбе убеждений. По
поводу смерти А.С.Хомякова**

«Public Domain»

1860

Гиляров-Платонов Н. П.

О судьбе убеждений. По поводу смерти А.С.Хомякова /
Н. П. Гиляров-Платонов — «Public Domain», 1860

«Мм. гг.! Г. временный председатель в речи своей по поводу нашей утраты затронул вопрос вне пределов простого личного воспоминанья. В недавней потере он указал нам отражение общей судьбы, как будто писанной нашему времени. Он напомнил нам странный факт, уже переставший казаться странным – так он сделался обыкновенен: лучшие наши деятели уносятся преждевременно, в цвете лет, в полноте сил, мало того – уносятся в ту минуту, когда именно и наступает для них зрелая пора, когда кончается процесс внутреннего развития и только что открывается настоящая общественная деятельность...»

Никита Гиляров-Платонов

О судьбе убеждений. По поводу смерти А.С. Хомякова

Речь, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности 6 ноября 1860 г.

Мм. гг.! Г. временный председатель в речи своей по поводу нашей утраты затронул вопрос вне пределов простого личного воспоминания. В недавней потере он указал нам отражение общей судьбы, как будто писанной нашему времени. Он напомнил нам странный факт, уже переставший казаться странным – так он сделался обыкновенен: лучшие наши деятели уносятся преждевременно, в цвете лет, в полноте сил, мало того – уносятся в ту минуту, когда именно и наступает для них зрелая пора, когда кончается процесс внутреннего развития и только что открывается настоящая общественная деятельность.

Факт знаменательный! Им поразился еще Гоголь, впоследствии сам испытавший ту же участь. Кончина первоклассных наших поэтов, не только неожиданная, но насильственная в fullest смысле, внушила ему мысль искать в этом обстоятельстве даже особый, так сказать, ниспосылаемый нравственный урок – что-то чрезвычайное, самую чрезвычайностию должствующее поражать современников. «Три первых поэта, – восклицает он в одном из известных своих писем, – Пушкин, Грибоедов и Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью, в пору самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих, и никого это не поразило! Даже не содрогнулось ветреное племя!»

Нравственное значение в этом факте, конечно, есть, как и во всяком житейском обстоятельстве, как во всяком даже явлении природы. Но попробуйте взглянуть на него с физиологической точки зрения. Нам кажется, что глубина значения скрывается здесь не в чрезвычайности факта, а, напротив, в его естественности, в том именно самом, что в нем нет ничего особенного.

Что это, в самом деле – чистая случайность? Но случай, однообразно повторяющийся, перестает быть случаем даже для обыкновенного воззрения, признающего существование случая вообще. Статистик из суммы отдельных случаев выводит средние цифры и записывает: что врачи повсюду пользуются сравнительно меньшим долголетием, чем крестьяне; что в младенческом возрасте вообще людей умирает всего более, в средних годах всего менее; что из стран – Алжир представляет пропорционально втрое большую смертность, чем Швеция, а Австрия на третью долю больше, чем Англия, и на четвертую меньше, чем Россия; что в Индии, между европейцами, бывает смертность втрое сильнее, чем между туземцами, а в Америке и на Тихом океане, наоборот, туземное население не только умирает в большем количестве против европейского, но исчезает совершенно, помимо всяких насильственных мер, как бы тае тот одного соприкосновения с цивилизующею колонизациею. Предположим, как и бывает, что эти и подобные им выводы, в продолжение нескольких лет и даже десятилетий, беспощадно повторяются одни и те же. Тогда и обыкновенное воззрение согласится, что хотя каждый факт, взятый в отдельности, и был случаем, словом – обстоятельством, которое могло быть и не быть, но что вся сложность их или целая группа представляет закон; что существуют некоторые постоянные причины, вследствие которых общая, всем прирожденная необходимость умирать определяется для известной страны, возраста, образа жизни, происхождения и т. под. более частным образом, как необходимость смертности в том именно, а не другом количестве. Таким образом, обыкновенное воззрение отказывается, на этот раз, от своего понятия о случайности и оставляет его только для мелочи обстоятельств, которыми отличается каждое отдельное явление от других сродных.

Но станем немного выше обыкновенного воззрения, – нам придется ограничить понятие случайности даже в приложении к отдельному явлению. Такой-то NN умер, говорят, случайно: он выехал, а ветер был северо-восточный; он не остерегся, не запахнулся, и схватил pleuritis. Если бы не это случайное обстоятельство, все прошло бы благополучно. Но, однако, это обстоятельство было: он выехал, и при северо-восточном ветре, и не запахнулся? Следовательно, причина смерти была дана, – то не правда ли, и следствие, т. е. смерть должна была произойти неизбежно? Да, говорят, не подвернулся тут хороший доктор; если б он случился, болезнь была бы прервана, и несчастье не совершилось. Но, однако, это если не существовало, и следовательно, опять, должно же было произойти то, что произошло. И так далее, и так далее, чем более мы входили бы в подробности явления, тем более находили бы оснований признать его неизбежным; и если б мы перебрали всю бесчисленную мелочь самих обстоятельств, от которых оно зависело, мы увидели б, что каждое из них само опять связано было совокупностию условий, вследствие которых каждое было так, а не иначе, потому что должно было быть так, и не могло быть иначе. Когда открылась бы нам история организма, до малейших подробностей, от самого зарождения и далее, в каждый момент жизни: когда бы проследили мы, как под взаимным влиянием наследственных стихий и внешней среды, сообразно со степенью их взаимной упругости, в общей, однако, покорности их высшему закону природы, образовывалось такое, а не другое строение организма, с теми, а не другими разветвлениями тончайших сосудов; когда б уловили мы потом, как под влиянием особенности в строении организма развивалась особенность в питании и во впечатлительности, а затем и во всей возвратной физической и духовной деятельности; как потом самая деятельность воздействовала, в свою очередь, частью на среду, изменяя, иногда и покоряя ее, частью на организм, поддерживая, истощая или даже перестраивая, частью на себя саму, рождая привычку, определяя свое будущее направление; когда б мы все это видели, или, точнее сказать, могли видеть, – тогда открылось бы нам, что были свои необходимые условия даже для такого обстоятельства, что в данную минуту двигательный нерв бездействовал, мускул не сжался и рука не поднялась запахнуть грудь, угрожаемую ветром. Словом, оказалось бы, что ничто в мире не приходит внезапно, так же как и не уходит даром, и по тому самому ничто не внезапно, что ничто не даром; следовательно, ничто не случайно, ниже самая одинокая дробь самого отдельного явления, и потому именно опять, что, строго говоря, никакая дробь не одинока и никакое явление не отдельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.